

В.И.ДАЛЬ

ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

7

Владимир Иванович Даль

**Сказка о похождениях черта-
послушника, Сидора
Поликарповича, на море и
на суше, о неудачных
соблазнительных попытках
его и об окончательной
пристройке его по части
письменной**

Владимир Иванович Даль

**Сказка о похождениях черта-
послушника Сидора
Поликарповича, на море и
на суше, о неудачных
соблазнительных попытках
его и об окончательной
пристройке его по части
письменной**

Однокашникам моим Павлу Михайловичу Новосильскому и Николаю Ивановичу Сеницыну [1]

Идет рыба на блевку, идет и на блесну – кто наелся былей сытных, приторных, тот поди для праздника перекуси небылицей тощей да пряною, редькой, луком, стручковатым перцем приправленною! Истина нахальна и бесстыдна: ходит как мать на свет родила; в наше время как-то срамно с нею и брататься. Правда – собака цепная; ей только в конуре лежать, а спусти – так уцепится, хоть за кого! Быль – кляча норовистая; это кряж-мужик; она и редко шагает, да твердо ступает, а где станет, так упрется, как корни пустит! Притча – дело любезное! Она неряхою не ходит, разинею не прикидывается, не пристаёт как с ножом к горлу; она в праздник выйдет, снарядившись, за ворота, сядет от безделья на заваulinку – кланяется прохожему всякому смело и приветливо: кто охоч и горазд – узнавай окрутника [2]; кому не до него – проходи, как мимо кружки, будто не видишь, что люди по пятаку кидают! Вольному воля, а спасенному

рай; а чужая совесть – могила; за каждой мухой не угоняешься с обухом, и мой округник за тобою не погонится!

В Олонецкой губернии, сказывают, много камня дикого и много болота мокрого – там вышел однажды мужик попахать. Пустил он соху по низовью, под скатом, так попал было в топь такую, что насилиу вылез; выдрался с сохой он на горку, так напорол и вызубрил сошник о булыжник неповоротливый; а когда догадался поискать суходолья, так вспахал его и засеял. Это не сказка, а присказка, а сказка будет впереди!

Сатана, не самый старший, всегда лично в первопрестольном граде своем царствующий, а один из приспешников и нахлебников его, один из чертей-послушников, праздновал именины свои; а звали того черта Сидором, и Сидором Поликарповичем. На пирушке этой было народу много, все веселились честно и добропорядочно; плясали пляски народные и общественные, не как у нас, на ногах, а скромно и чинно, на голове; играли в карты и выезжали все на поддельных очках; расплачивались по курсу фальшивыми ассигнация-

ми самой новой, прочной английской работы, не уступающей добротою настоящим; но все это делалось, говорю, мирно и ужиточно. Вдруг входит человек в изодранном форменном сертучишке, – кто говорил, что это хорунжий [3], отставленный три раза за пьянство и буянство; кто говорил, что это небольшой классный чиновник, а кто уверял, что это отставной клерк, унтер-баталер [4], а может быть, и подшкипер. Не успел он почтить собрания присутствием своим, как в тот же миг ввязался в шашни миролюбивых посетителей и, не откладывая дела и расправы, ударил на них в кулаки. Люблю молодца за обычай! Да и не детей же с ними крестить стать! Чертименинник как хозяин сунулся было различать, но как от первого русского леца у него в ушах раздался трезвон в семь колоколов с перезвоном, на языке и горько и кисло стало, а из глаз искры посыпались градом, так он присел и присмирел. Гости расползлись по домам, по вертепам своим, и храбрый воитель и победитель наш остался пировать один, как тетерев на току.

– Дурак ты, – сказал настоятель, сатана-ста-

роста, Сидору, когда этот пришел к нему плакаться на беду свою, – дурак круглый и трус, и худой, как я вижу, нам слуга, когда жалеешь для службы нашей шкуры своей и пары-другой зубов! Тебя, вижу я, надобно в черном теле держать! Ты бы обрадовался находке да последил ее; я давно вам, неизворотливым, сказывал, что мне чиновные озорники и пройдохи почетные нужны, чтобы вы их сманивали да зазывали, а вы знай ходите поджавши хвосты, как смиренники! Вы у меня как-то все от рук отбились: погоди, я вас пригну к ногтю! Изволь ты у меня отправиться на землю, изведать на деле сушь и глубь и быт гражданский и военный и взять оседлость там, где для оборотов наших окажется повыгоднее; да прошу без всяких отговорок служить, как люди служат, не для поживы и личных выгод, а для блага и пользы общей нашей, не щадя ни живота, ни крови.

Сидор Поликарпович вылез из преисподней, стал ногами на твердую землю и оглядывался кругом на просторе; с него еще пар валил, как с московского банщика, и он все еще не сбил оскомину после вчерашней переква-

шенной русской закуски; а сверх того, сплелся [5] немного в задней левой ноге, когда выбирался из пропасти преисподней, а потому прихрамывал и сел отдохнуть.

«Плохое житье наше, – подумал он про себя. – С тех пор как нашего брата с неба спихнули, все обижают; всякий ярыга дулю подносит и по ушам хлещет! Свались только ты, так и подобьют под ноги, а станешь вставать, оправляться, так подзатыльников и не оберешься! Народ умудряется и просвещается со дня на день, и бесхвостое это племя за все берет, во все ввязывается: под землю подрывается, бороздит по морю, крестит по воздуху, – не присвой я себе жару, огня ярого, так бы и не было у меня своего красного уголка, нечем было бы перед ними похвалиться! Бьешься, бьешься как рыба об лед, а поживы мало, часом и харчи не окупаются!»

Он оглянулся кругом, поводил рылом во все стороны, а он, как добрый гончий, искал верхним чутьем, вздохнул горько и сказал: «Идти добро промышлять отселе подальше – здесь, в этой земле, за причетом нашим, и босым и постриженным, приступу нет; они и

без нашего брата управятся!»

Он встал и пошел на восток, ибо вылез из земли на самом крайнем западе, на взморье, под крутым берегом, где конец света и выдался мыском в море крайний клочок земли, нашей части света. Шел он, шел, долго ли, коротко ли, вёдром ли, погодкой ли, а дошел до страны от нас западной, пригишпанской, королевства задорного; а обитают в королевстве том люди неугомонные, неужи точные, родятся в них замыслы несбыточные. Там-то Сидор наш встретил отрядец солдат на привале. Солдаты те пришли из стран северных, необозримых, пространством морю прилежащему, ледовитому, равных; перешли путем земли многоязычные и отдыхали от трудов и утомительного перехода. Черт подсел к ним и начал расспрашивать их:

– Куда, ребяташки, идете?

– Идем мы, куда Макар телят не гоняет, куда ворон костей твоих не занесет; идем под Стукалов монастырь пить да гулять, а не сиднем сидеть, играть в мяча чугунного, грызть орехи каленые ядреные; идем хлебом-солью гостей чествовать, сажать боком-ребром на

прилавки железные, узкие, граненые, за ска-
терти браные травчатые-муравчатые, за сто-
лы земляные; поить до упаду хмельным баг-
ряным вином, опохмелять закусками ручны-
ми – ореховыми, приговаривать: «Не ходи
один, ходи с батюшкою»; припевать: «Не тебе,
супостату, на орла нашего сизого, на царя на-
шего белого руку заносить окаянную!» Кому
пир, а кому мир; а кому суждено, разбредем-
ся – сляжем по землянкам даровым, не куп-
ленным, по зимовьям не просторным, ни-
зеньким; нашему брату жизнь – копейка, го-
лова – наживное дело! Идем пожить весело,
умереть красно!

«И гладко строгают, и стружки кудрявы! –
подумал черт Сидор Поликарпович. – Дай еще
с ним потолкую, авось не будет ли поживы!»

– А что, служивый, чай здесь житье ваше
привольное, хорошее?

– В гостях хорошо, а дома лучше, – отвечал
гренадер.

– Здесь девушки хороши, – намекнул черт.
Гренадер. Много хороших, да милых нет!
Черт. Хороши, да не милы! Сбыточное ли это
дело?

Гренадер. У нас не по хорошу мил, а по милу хорош!

Черт. Так что же вы милых покинули, а зашли к немилым!

Гренадер. Не пил бы, не ел, все на милую глядел – да слезою моря не наполнишь, кручиною поля не изъездишь, а супостата вашего крестом да молитвою не изведешь; стало быть, садиться казаку на коня, а нашему брату братья за пищаль да за щуп!

Черт. Да вы, господа кавалеры, волей или неволей сюда зашли?

Гренадер. Наша воля – воля царская; за него животы наши, за него головы!

Черт. Поглядишь на вашего брата, так жалость донимает! Кабы на мою немудрую голову – что бы, кажись, за радость в такой вериге ходить! Покинул бы честь и место, да и поминай как звали меня самого! – А у тебя самого – распазить [6] да навоз возить! – отвечал ему гренадер.

«Какой этот сторожкой! – подумал черт Сидор Поликарпович. – Пойду к другому! Дай пристану тут к заносному племени этому; к ним и ходить далеко и проживать холодно.

Здесь, во стране пригишпанской, западной, сручнее будет мне с ними побрататься; а там – чем отзовется, попытаюсь с ними вместе и до их земли добратся!»

Наш новобранец, из вольноопределяющихся, пристал, служил и ходил под ружьем, терпел всю беду солдатскую, перемогался, но – крепко морщился! Ему в первые сутки кивером на лбу мозоль намяло пальца в полтора; от железного листа в воротнике шея стала неповоротливее, чем у серого волка; широкою перевязью плеча отдавило, ранцем чуть не задушило, тесаком икры отбило! Солдату, говорят, три деньга в день, куда хочешь, туда их и день; веников много, да пару нет, а мылят, так все на сухую руку! У солдата шило бреет, а шубы нет, так палка греет! «Эти поговорки приелись мне, как сухой ячмень беззубой кобыле, уходили меня, как кающегося грехи; это не по мне! Семь недель, как в великий пост, голодом сиди, семь недель мозоли сбивай, покуда раз, да и то натошак, угодишь подраться да поживиться! Что мне за неволя в таком хомуте ходить! Стану жить я по-своему».

Сказано – сделано. Полк вышел к смотру, у всех и ранцы и амуниция исправны, а у нашего Сидора ни кирпичика форменного, ни ваксы сухой, ни воску, ни лоску, пуговицы не чищены, ниток в чемоданчике, напоказ, ни серых, ни белых!

Сидор Поликарпович думал переиначить всю службу по-своему, да и опростоволосился крепко! Ему это отозвалось так круто и больно, что он, забыв все благие советы и наставления старосты-сатаны, бросил все – и службу, и ранец, и ружье, и суму, проклял жизнь и сбежал. Он удирал трои сутки без оглядки, набил плюсны и пятки и присел наконец под липку перевести дух. Не успел он еще опаматоваться, как вдруг увидел перед собою человека невысокого росту, в низкой треугольной шляпе без пера, в расстегнутом сером сюртуке, длинной жилетке, в ботфортах, который стоял, сложив руки на груди и выставив левую ногу вперед, и разглядывал по очереди все отдаленные, через дол и лес пролегающие дороги, и был, казалось, в нерешимости, которую ему избрать. Черт Сидор подошел, обнюхал незнакомца кругом, в одно ухо ему влез, в

другое вылез, и узнал таким образом все помышления и замыслы его. В это время вдруг подлетел латник с косматым шлемом и, указывая назад, донес, что он опять уже видел мельком пики на красных и синих древках и нагайки. Тот кинулся на коня и помчался стрелой; и наш Сидор, смекнув и разгадав дело, едва успел сунуть ему за пазуху письмо, которое он, пригнувшись на корточках за заднею лукою седла всадника, написал и которое при сей верной оказии вздумал отправить во тьму окромешную к командиру своему, сатане-старосте, чтобы известить его о плохих успехах своих и проситься домой. Сидор не колдун, да угадчик; письмо его запоздало несколько, это правда, но оно, застрахованное, действительно дошло наконец до места и передано всадником с рук на руки старосте-сатане, настоятелю Стопоклепу Живдираловичу; вот оно от слова до слова:

«Письмо от черта-послушника, Сидора Поликарповича, к сатане-старосте, Стопоклепу Живдираловичу, писанное на земле, во стране пригишпанской, за-

падной, и отправленное во тьму окромешную при первой оказии с человеком невысокого росту в треугольной шляпе без пера.

Старосте нашему, Стопоклепу Живдираловичу, от послушника его и нахлебника, Сидора Поликарповича, низжайший поклон; супруге его, Ступожиле Помеловне, от усердного поклонника ее, Сидора Поликарповича, многия лета и низжайший поклон; теще его, ведьме чалоглазой, Карге Фоминишне, по прозванию Редечной Терке, низжайший от нас же поклон и всякая невзгода мирская; равномерно и сожительнице нашей, драгоценной Василисе Утробовне, поклон и супружеское наше приказание, задним числом со дня отлучки нашей, пребыть нам верной; деткам нашим, сыновьям: Кулаку, Зарезу и Запою, дочерям: Мохнашке и Сивухе – родительское наше проклятие на веки нерушимое и поклон; брату нашему, Искусу Поликарповичу, и сожительнице его, Чуме Цареградовне, дяде нашему, Тузу Бубновому под крапом и сожительнице его, Крале Червонной Зотообрезной, а равно и всей преиспод-

ней – низжайший поклон наш и всякая неправда мирская и нечистые дела и соблазны; желаем им всякое наитие замыслов нечестивых и успех и воздаяние сторицею за понесенные труды и беды; а о себе скажем, что мы благодаря ходатайству старосты нашего, Стопоклепа Живдираловича, и процветающим в краях здешних глупостям и вздорным пакостям людским еще в живых и здравствуем, хотя все посильные наши попытки доселе еще мало понесли за собою плодов, и много мы бедствий земных на себе испытали, и осталась за нами одна только надежда, что новое предприятие наше принести нам долженствует успех вящий и жатву обильную, душегубительную. А вышли мы из преисподней во стране, бедной науками, и художествами, и просвещением, где блаженствуют наши, и босые и постриженные, на краю света, – почему и сочли мы за лишнее основать здесь пребывание наше, а отправились через горы высокие, снежные на Восток и обрели там людей, наклонных к дури и к пакостям, самодовольных и бессовестных; почему,

рассудив также, что оные люди рук наших не минуют, раздавали мы им только значки, трехцветные и белые, для основания междоусобий; а потом и намеревались держать путь свой еще далее на Восток, как дошло до нас сведение, что нахлынули от стран северных люди, дюжие телом и крепкие духом, им же несть числа, а страна их ледовита и ими любима; и заложил во время оно преставившийся царь их, а наш первейший враг, столицу свою в земле неприятельской, и довершили ее наследники царя того и потомки, вопреки стараниям и покушениям нашим, а древнюю столицу свою, до которой нет нам приступу от великого множества церквей, коих числится сорок сороков, отстояли они ныне снова и подняли на дым, дабы не досталось в руки иноплеменникам двадесяти языков, под предводительством подручника нашего на царя и землю их покусившихся; и уморили они тех иноплеменников захожих голодом и холодом, и уходили и извели оружием, и написали сказку: «О беспечной вороне, попавшейся во щи гостей голодных», и следили

того предводителя до земли и столицы его, где мы ныне обретаемся, и побивали его нещадно на каждом шагу. А посему и сочли мы за лучшую пакость подбиться к сим ненавистным нам доблестным и смиренным воителям и искусить их к совращению с пути повиновения и благочестия. Но сия попытка, несмотря на то, что, усердствуя ко благу нашему общему, не щадили мы ни плеч своих, ни шкуры, обошлась нам весьма несходно, и понесли мы от нее накладу более, чем барышей. Есть у них, например, обычай военный, что не спрашивается: отколе взять, а говорится только: чтоб было; глядишь – и есть; а чуть прогуляешь, проглядишь, так тотчас за расправу, а это вовсе не по нас! И пуще всего невзлюбили мы у них той музыки, что стучат в глухие бубны без бубенчиков да подыгрывают в два смычка без канифоли на кожаной скрипке; испытали мы притом жизнь холодную и голодную, так что часом и уведешь где-нибудь быка, да негде изжарить, некогда съесть; а по всему этому и рассудили мы наконец предоставить их участи своей, покинуть и

сбежать. Они же, воители те, царей своих чтят свято, за землю обширную, отчасти ненаселенную и дикую, стоят всем оплотом дружно и норовисто, а посему успеха нам еще ожидать должно мало. Таким делом извели мы быт их на суше, а ныне намерены при помощи отца-настоятеля и старосты нашего сесть на корабли их, здесь обретающиеся, и держать путь вместе с ними чинно и тихо до земли их и осмотреться там, на месте, не упуская удобного случая взять оседлость свою, как наказано нам было, там, где окажется повыгоднее и попривольнее. О чем, здравствуя, будем не оставлять вас своими уведомлениями; а вас просим усердно находить нас таковыми же. А писано сие письмо к вам через самого того земли пригишпанской, западной, повелителя, нашего подручника, которому срок на земле ныне вышел уже давным-давно и следует ему явиться к старосте, Стопоклепу Живдираловичу, во тьму окромешную; но, по мнению нашему, востребуется послать дюжину-другую разночинцев и послушников, нашей

братьи, дабы они могли уловить и увлечь с собою того подручника нашего и представить в преисподнюю; ибо сам он, употребляя во зло долготерпение наше, день за день просрочивает и явиться к месту откладывает. А за сим, испрашивая от старосты нашего, и настоятеля, и всей братии послушников всякую невзгону и проклятие небесное и земное, остаемся усердствующим ко соблазну общему служителем и послушником вашим чертом Сидором Поликарповым.

Приписка. Еще уведомляем вас и о том, что оные северные страны повелитель, лишь только первый на миродавца того руку наложил, и отстоял земли и народы и веси [7] своя, и избил всю заморскую рать его, и отобрал все оружие и до тысячи огнеметных литых орудий, то и все земли крещеные, доселе миродавцу тому раболепствовавшие, очнулись, и оперились, и противу него восстали, завопили, и начали витии велеречивые священнодействовать и писать воззвания доблестные и песни ободрительные войскам своим и всему народу; а понеже той се-

верной страны повелитель даровал милость и пощаду всем на него посягавшим и карать их более не пожелал, а требует от них мира и дружбы, каковое изумительное великодушие поразило и врагов и новых союзников его, то и не худо бы нам заранее разослать в те иные земли послушников наших, дабы соблазнить все народы и земли крещеные забыть, что скорее, то лучше, таковое им оказанное беспримерное благодеяние и заставить их в бессилии своем и немощи обносить оговорами и клеветою северной той страны обитателей и властителей их и мстить им за вышереченное благодеяние всяким наветом злым, и словом, и делом, и где чем прилучится. О чем и прошу довести до сведения старосты нашего и настоятеля, Стопоклепа Живдираловича: ибо замечено нами на пути нашем, что склонность к таковым нам любезным пакостям и злодеяниям таится уже в семенах раздора многоязычных племен тех».

Отправив письмо это, соскочил Сидор с задней луки седла и чуть было не повис в то-

роках! «Долго ль до беды, – подумал он. – О серник споткнешься, затылком грянешься, а лоб расшибешь!» Он присел; а как было уже довольно поздно и Сидор наш уморился крепко, то и лег, свернулся, наутро встал, стряхнулся, совершил поход в один переход и сел на корабль у взморья.

«Фортуна бона, – подумал черт Сидор Поликарпович – а он думать научился по-французски, – фортуна бона, – подумал он, когда изведаль службу нашу на море. – Я хоть языкам не мастер, а смекаю, что тютюн, что кнастер [8]; мои губы не дуры, язык не лопатка, я знаю, что хорошо, что сладко. Здесь жизнь разгульная и всякого добра разливное море! Каждый день идет порция: водка, мясо, горох, масло; под баком сказки, пляски, играют в дураки и в носки, в рыбку и в чехарды; рядятся в турок и верблюдов, в жидов и в лягушек; спят на койках подвешенных, как на качелях святошных, – одна беда – простору мало, да работы много!»

Он надел на себя смоленую рабочую рубашу, фуражку, у которой тулья шла кверху уже, а на околыше были выметаны цветными нит-

ками зубцы и узоры; опоясался бечевкой, привесил на ремне нож в ножнах кожаных, свайку [9], насовал в карманы шаровар каболки [10], тавлинку, кисет; вымазал себе рожу и лапы смолою, взял в зубы трубчонку без четверти в вершок и, проглотив подзатыльника два от урядника за то, что сел было курить на трапе, примостился смиренно к камбузу, где честная братия сидела в кружке, покуривала корешки и точила лясы.

– Что скажешь, куцый капитан общипанной команды, поверенный пустых бочек? – спросил марсовой матрос трюмного, – каково твои крысы поживают?

– Приказали кланяться, не велели чваниться! – отвечал тот.

– Не бей в чужие ворота плетью, – заметил старый рулевой насмешнику, – не ударили бы в твои дубиной! Век долга недели, не узнаешь, что будет; может быть, доведется еще самому со шваброй ходить!

– Не доведется, Мироныч, – отвечал первый, – с фор-марсу на гальюн не посылают! Без нашего брата на марса-рее и штык-боут не крепится!

– Не хвалися, горох, не лучше бобов, – проворчал третий. – А кто намедни раз пять шкаторину [11] из рук упустил, покуда люди не подсобили?

– Упустишь, когда из рук рвет, – отвечал опять тот. – Ведь не брамсельный дул, а другой риф брали!

– У доброго гребца и девятый вал весла из уключины не вышибет, – сказал урядник с капитанской шестерки, – не хвали меня в очи, не брани за глаза, не любуйся собой, так и будешь хорош!

– Запевай-ка повеселее какую, Сидорка, – сказал нашему Поликарповичу сосед его. – Что ты сидишь – надулся, как мышь на крупу! Ты волей пристал к нам, так и зазнаешься; а у нас, вишь, неволя скачет, неволя пляшет, неволя песни поет!

– Не свайкой петь, когда голосу нет! – отвечал Сидор, оскалив зубы, как мартышка. – Запевай-ка ты свою:

*Здравствуй, милая, хорошая моя,
Чернобровая, похожа на меня!*

– На тебя? – спросил урядник. – Надо быть,

хороша была! Неужто и с тобой какая ни есть слюбилась?

– Нет такого мерзавца, чтобы не нашел своей сквернавки, – отвечал Сидорка. – Кабы люди не сманили, и теперь бы со мной жила!

– Кабы нашего сокола вабило не сманило, сто лет бы на месте сидел, – подхватил марсовой. – А какая твоя любка была, Сидорка, чернавка или в тебя, белянка?

– Была белобрысая, была и черномазая, – отвечал Сидорка, – было, да быльем поросло! Нашему брату за вами, в бубновых платочках, не угоняться!

– Да, мы таки постоим за своих, – подхватил тот же марсовой, – и поспорим хоть с кем, что против нашей, ниже у косноязычного француза, не найдешь ни одной! Бывало, моя как приоденется да приумоется, так хоть водицы испить!

– Чистоплотен больно, – промолвил Мироныч, – что за дворянин! Когда горох в котле, так, стало быть, и чист; брюхо не зеркало, что в зубах, то и чисто!

– Горох горохом, – отозвался кок за камбузом, – а в рассоле из-под солонины, ребята,

нечего греха таить, наудил нынеча утрей!

– Эка невидаль, – отвечал Мироныч, – буд-то то и черви, что мы едим; по-моему, так то черви, что нас едят! Смазной, да затягивай хоть ты сдуру песню свою про червяка черемхового!

– Погоди, – отвечал Смазной, – вишь, трюмный наш, Спирька, задремал, так чтоб не потревожить!

– Чего тут годить; на посуле, что на стуле, посидишь да и встанешь, – сказал опять первый.

– Встанешь, пройдешься, да и опять присядешь, – отвечал тот, – посуленное ждетя; что я тебе за песенник дался? Много ли вас тут охочих до песен моих? Я меньше как при двенадцати зубов не оскалю и голосу не подам!

– И дело, – подхватил марсовой. – У нас был в Касимове мещанин; как начал торговать, так, бывало, на пятак в день уторгует да еще два гроша сдачи даст; а расторговался, поднялся с мелочного на оптовой-валовой, так в нитках пасмы [12] не разбивает, в варганах [13] полудюжины не рознит!

Дудка просвистела на шканцах, и осиплый

голос прокричал в фор-люк: «Пошел все наверх!» Все кинулись, кто в чем сидел, и Сидора Поликарповича нашего подле трапу семь раз с ног сбивали! Он вылез последним, и вахтенный урядник, сказав ему, что он скор как байбак, поворотлив как байдак, спросил; «Не угодно ли прописать боцманских капель?» – «Не все линьком, – отвечал Сидор, – можно и свистком!» – «Да, можно, – ворчал тот, – засядете под баком, так вас оттоле калачом не выманишь, ломом не выломишь, шилом не выковырнешь! Пошел на марса-фал!» Сидор кинулся на марса-фал, а его в шею. «За что?» – «Не трёкай!» Опять по шее. «За что?» – «Иди ходом, лежи валом, не дергай!» Кричат: «На брасы на правую!» А Сидора в шею. «За что?» – «Не тяни без слова!» Опять в шею. «Отдай», – говорят; отдал – «Тяни!» Ну, словом, замотали бедного Сидорку нашего до того, что он и не знал, куда деваться; куда ни сунься – урядник; за что ни ухватись – линек! «Из бухты вон!» – раздалось с юту, и Сидор наш, который еще не знал ни бухты, ни лопаря, оглянуться не успел, как боцман отдал пертулинь; якорь полетел, потащил за собою канат, а с

канатом и Сидорку, который не успел выско-
чить из свернутых оборотов каната, из бухты,
и Поликарповича в полтрети мига вместе с
канатом прошмыгнуло в обитый свинцом
клюз, выкинуло под гальюном, перед носом
корабля! Он вынырнул, ухватился за водорез,
за ватерштаги, вылез на бушприт и стоял дол-
го, почесывая затылок и оглядываясь кругом:
таких проказ он и во сне не видал! Он не мог
опамятоваться. «Что за нелегкая меня сюда
принесла! – подумал он, присев под кливе-
ром, у эзельгофта. – Тут замотают так, что с
толку своротишь, из ума выбьешься! Попал я
никак из огня да в воду! Как ни ладишь, ни
годишь, а не приноровишься никак к этой по-
веденци, к морской заведенци! Не дотя-
нешь – бьют, перетянешь – бьют; а что и всего
хуже – работа впрок нейдет; тяни, тяни, да и
отдай! Тяни, из шкуры лезь, тяни, да и отдай!
Что это за каторга? По-моему бы, выдраил в
струнку один раз, на шабаш, закрепил, да и не
замай! А тут не успел навернуть на планку
либо битенг, опять сымай, травы, отдавай – а
там опять тяни! На это не станет и сил; у меня
руки в плечах оттянуло так, что лапы в поли-

кры болтаются: это не шутка! А глядишь – завтра то же, послезавтра опять то же... Служи сам настоятель, сатана-староста, когда лаком больно, а не я. Неохота лап мочить, а то бы соскочил сейчас, да и пошел! Терпеть, видно, до первого якоря, а там – и черт не слуга!»

Рассудил, как размазал, и не стал работать; отнекивался во ожидании первой якорной стоянки, а между тем стал бурлить тихомолком, задумал всполошить всю команду. Свистят: «Первую вахту наверх!» Сидорка забился на кубрике где-то, сидит, дух притаил. Кричат: «Аврал, аврал!» – и подавно то же; Сидорка и сам не идет и других не пускает! Как тут быть? Капитан хватился за ум. Он догадался, что все это проказы заморского выходца, новобранца нашего, Сидора, и вздумал повернуть делом покруче. «Свистать к вину!» – закричал он вахтенному уряднику.

Урядники собрались все вокруг грот-люка, просвистали резко и согласно «к вину», вся команда вышла, и черт Сидор Поликарпович также вылез. Тогда капитан приказал его схватить и, как первого зачинщика, растянул его на люк и вспорол, да так, что с него, с жи-

вого, сухая пыль пошла, что, как говорится, и чертям тошно стало! А сам приговаривал: «Я тебя взял на службу государеву, одевал и кормил тепло и сытно, а ты ум свой с концов обрезал, да и в середке ничего не оставил, вздумал проказить на свою голову – закорми чушку, так будет плакаться на пролежни; трунил ты надо мной, потешусь и я над тобой; проведу и я свою борозду, поставлю над тобою пример, чтобы у тебя сдуру молодец какой-нибудь не вздумал перенимать; передний заднему дорога; не задай острастки, так, чего доброго, черниговского олуха какого-нибудь и оплетешь! Не я бью, сам себя бьешь; кнут не мука, а вперед наука – один битый семерых небитых стоит! Это тебе в задаток; а если расплачиваться начистую с тобою доведется, так знай, что дело пойдет в рост! Тогда не пеняй!»

Черт Сидор Поликарпович, вырвавшись от жару такого, какого и у себя дома, в преисподней, не видывал, кинулся со всех ног через кранбалку и уцепился за одну лапу якоря, который только что был отдан и летел в воду, пошел с ним ко дну и впился мертвым зубом в илистый, вязкий, под плитняком, грунт

морской; а когда на другой день судно стало сыматься с якоря, а черта нашего едва было не достали со дна морского, то он, в беде неминуемой, перегрыз зубами канат у самого рыма, и боцман с баку закричал: «Пал шпиль! Лопнул канат, щепнем перетерло и конец измочалило!» «Черт с ним, и с якорем, – подумал баковый матрос, которого выпороли заодно с Сидоркою, – у нашего царя якорей много, всех не переломаешь! По крайней мере избавились от новобранца этого неутомонного, что пришел из стран пригишпанских, западных, и сел кстати, как вахлак на мослак!»

Таким образом, черт Сидор Поликарпович пропал вторично без вести, считался год со днем в бегах и наконец из списков по сухопутному и морскому ведомству выключен. Поминают об нем старослуживые с тремя шеvronами, поминают, как царя Гороха да Ивашку Белую Рубашку! Черт Сидор пропал, концы схоронил, и след простыл! Какие приключения и похождения проходил и изведаль он на дне морском, – мореплаватель ли какой, со всем причетом и пожитками своими, морем хладным объятый и во мраке багровом

до искупления своего по дну морскому крей-
сирующий, или другой кто приняли, приюти-
ли, наставили и научили Сидорку нашего, –
этого я и не знал да позабыл; а у меня память
такая куриная, что чего не знаешь, того и не
помнишь! Знаю только, что вскоре после то-
го, как сбылось с Сидоркою рассказанное в
сказке нашей приключение и похождение,
стал показываться оборотень какой-то в куд-
рявых и прописных Азах, коими расчеркива-
ются чиновные и должностные наши. Он, Си-
дорка, то роги выставит, то ногой лягнет, то
когти покажет, то язык высунет, то хвостом,
как мутовкой, пыль взобьет, – а сам с той по-
ры никогда и никому более в руки не дается и
на глаза не показывается; удавалось, правда
изредка, сбить ему рог, так вырастал опять
новый, покруче первого; посадили ему было
как-то язык в лещедку, так он за перо; и видел
его целком один только сват мой Демьян, да и
то во сне! Сидит, сказывал, лоскут красного,
чернилами испятнанного сукна подостлав-
ши, затирает чернильные орешки с купоро-
сом, с камедью, чинит перья-скорописчики,
ножички подтачивает, смолку на подчистку

изготавливает; сват Демьян подошел было к нему сдуру во сне, хотел поглядеть на него, так тот накормил его палями, напоил чернилами да начал было на него писать на листе форменного формата донос; так мой Демьян от него отрекся, отчурался; я, говорит, ни вор, ни пьяница, в домостроительстве не замечен, так во мне для тебя, хоть ты двадцать стоп испиши, ни русла, ни ремесла; человек я маленький, полуграмотный, шкурка на мне тоненькая, да и та казенная; пишу я по-казацки, супостата шашкою по затылку, коня донского нагайкою по ребрам; так ты отвяжись и не пятнай доброй славы моей, чтобы всяк мог говорить и ныне, как говаривали встарь:

*Козак, душа правдивая,
Сорочки немає –
Коли не пье, так воши бье,
Таки не гуляе!*

Черт Сидор Поликарпович задал еще никак острастку куме Соломониде; а впрочем, остался при хлебном и теплом ремесле своем и при месте – он выписал из преисподней супругу свою, Василису Утробовну, сыновей: Кулака, Зареза и Запоя, дочерей: Мох-нашку и

Сивушку, и живет с ними припеваючи! Он доходами и сам сыт и подушное за себя и за всю семью свою, по последней ревизии, сатане-настоятелю, Стопоклепу Живдираловичу, уплачивает, а супругу его, Ступожилу Помеловну, дарил неоднократно к праздникам камачею, камкою, ожерельями и платками; места же своего покинуть не думает, а впился и въелся так, что его теперь уже не берет ни отвар, ни присыпка!

Вот вам сказка гладка; смекай, у кого есть догадка; кто *охоч*, да *не горазд*, тот поди, я с ним глаз на глаз еще потолкую; а кто *горазд*, да *не охоч*, тот прикуси язык да и отойди прочь!

Примечания

Павел Михайлович Новосильский и Николай Иванович Синицын – товарищи В. И. Даля по Морскому кадетскому корпусу.

[^^^]

2

Окрутник – ряженный, маскированный.

[^^^]

3

Хорунжий – корнет (прапорщик) в казачьих войсках.

[^^^]

4

Унтер-баталер – унтер-офицер на судне, ведающий провизией.

[^^^]

5

Сплечиться – повредиться, вывихнуть что-либо.

[^^^]

6

Распазить – распластать.

[^^^]

Веси – деревни, села.

[^^^]

8

Кнастер – сорт крепкого курительного табака, особенно распространенный у немцев.

[^^^]

9

Свайка – приспособление для сращивания веревок.

[^^^]

10

Каболка – пеньковая нить.

[^^^]

Шкаторина – нижний край паруса.

[^^^]

12

Пасма – двадцатая часть мотка пряжи, ниток.

[^^^]

Варган – народный музыкальный инструмент, состоящий из согнутой железной полоски с зубьями, вдоль которой двигается стальной стержень.

[^^^]